

латься только как элементы бессоюзных структур, сближаясь в этом отношении с прямой речью. На восклицания распространяется принцип асимметричного скрепления омонимии и синонимии. В рукописном варианте статьи (мат. № 12) приводятся примеры, не вошедшие в публикацию: чувство страха может быть выражено восклицаниями *ах! ох! ух! ой! ай!* и др., при этом все они произносятся одним и тем же тоном. В том же рукописном варианте Карцевский высказывает мысль о целесообразности изучения восклицательных междометий в контексте таких паралингвистических средств, как жесты и мимика. Он высказывает также предположение, что значения так называемых навазированных восклицаний типа *ах* совпадают во многих языках.

Выходя за рамки статического описания фактов языка, С. Карцевский устанавливает производные связи междометных глаголов, выдвигает гипотезу о генетическом родстве сочинительных союзов *но, а, да* и *и* с восклицательными междометиями. Применяя учение Н. Трубецкого о фонологических оппозициях к качественно иному уровню — лексическому, С. Карцевский приходит к заключению, что восклицания русского языка, используемые в диалоге, образуют систему.

Статья С. Карцевского «Введение в изучение междометий» печатается без каких-либо сокращений и изменений. В тексте статьи сохранены все авторские выделения (кавычки, курсив). Текст дается в переводе с французского, выполненном нами.

Кузнецов В. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jakobson R. Serge Karcevsky. — In: Portraits of linguists. V. 2. Bloomington — London, 1966.
2. Сяосарева Н. А., Кузнецов В. Г. Из истории советского языкознания. Рукописные материалы С. И. Бернштейна о Ф. де Соссюре. — ИАН СЛЯ, 1976, № 5, с. 44.
3. Карцевский С. О. О формально-грамматическом направлении. — Русская школа за рубежом, 1925, № 12.
4. Карцевский С. Повторительный курс русского языка. М., 1928.
5. Karcevsky S. Système du verbe russe. Prague, 1927.
6. Stelling-Michaud S. Serge Karcevsky (Notice biographique). — Cahiers F. de Saussure, 1956, № 14, p. 6—7.
7. Трика В. и др. К дискуссии по вопросам структурализма. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
8. Karcevsky S. Les systèmes phonologiques envisagés en eux-mêmes et dans leurs rapports avec la structure générale de la langue. — In: Actes du 2-e Congrès intern. de linguistes. Paris, 1933.
9. Karcevsky S. Sur la phonologie de la phrase. — TCLP, 1931, IV, № 4.
10. Karcevsky S. Sur la parataxe et la syntaxe en russe. — Cahiers F. de Saussure, 1948, № 7.
11. Karcevsky S. Deux propositions dans une seule phrase. — Cahiers F. de Saussure, 1956, № 14.
12. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
13. Карцевский С. Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского. — Родной язык и литература в трудовой школе, 1928, № 1.
14. Кузнецов В. Г. Язык как орудие культуры в концепции лингвистов Женевской школы Ш. Балли, А. Сеше и С. Карцевского. — ФН, 1975, № 2.
15. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.
16. Поспелов Н. С. О лингвистическом наследстве С. Карцевского. — ВЯ, 1957, № 4, с. 47.
17. Cahiers F. de Saussure, 1941, № 1.
18. A Geneva School Reader in Linguistics. Ed. by Godel R. Bloomington—London, 1969, p. 196—212.

КАРЦЕВСКИЙ С.

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ МЕЖДОМЕТИЙ

A-a-a! — воскликнул он по-португальски

I

Эта короткая фраза нам кажется забавной, а между тем употребивший ее А. Дюма-отец вовсе не намеревался придать ей комический эффект. Мы можем даже пошутить по поводу такой оплошности, допущенной автором. Хочется задать себе вопрос: ну а как это *aha!* будет звучать по-немецки, по-русски...? Дело в том, что мы ни на минуту не сомневаемся, что речь идет о «естественном» языке, который нет необходимости учить. Но, чтобы иметь основания так рассуждать, следовало бы сначала предпринять систематическое изучение употребления восклицательных слов в

самых различных местах нашей планеты. Однако междометия не пользуются вниманием со стороны лингвистов, и если кто-нибудь захочет составить о них более глубокое представление, он столкнется с серьезными трудностями.

При изучении этой группы «слов» неизбежно сталкиваются с проблемой произвольного и мотивированного знака. После Ф. де Соссюра и Ш. Балли трудно сказать что-нибудь новое по этому вопросу. Ниже речь пойдет только об определенном осмыслении данной проблемы.

Путем беспрестанных взаимодействий между собой означаемые оформляются в *понятия*. Над знаками, которые интегрируют понятия, так сказать, надстраивается идеальный план. Подобным образом, в результате аналогичных взаимодействий означающих происходит становление рядов дифференциальных оппозиций. Образуется звуковой план, подчиняющийся принципам своей организации все множество означающих. А это приводит к тому, что каждый знак разделяется на означаемое и означающее, связанные между собой только в силу социального принуждения. Таким путем естественный сигнал превращается в *произвольный знак*. В силу своей природы он неизбежно вовлекается в сложную игру омонимии и синонимии, которая сама по себе может служить достаточным основанием, чтобы отличить язык от других семиологических систем. Именно в этом, в действительности, и заключается «жизнь» языка: благодаря подвижному характеру знака имеется возможность обозначать все новые и новые ситуации постоянно изменяющейся действительности.

Если бы знак был *полностью мотивированным*, он не разделялся бы на означаемое и означающее, а это привело бы к невозможности омонимии и синонимии. Знак не имел бы концептуальной значимости и представлял бы собой неразложимый звуковой блок. Его функционирование значительно затруднило бы осуществление акта фонации и акта аудирования, противопоставление которых является элементарным условием речевого общения. В действительности, *полностью мотивированных* знаков в языке нет, но это понятие является очень удобным теоретическим постулатом с методологической точки зрения.

В языке господствует произвольный знак. В то же время в нем ведется непрестанная борьба между тенденцией к произвольности и противоположной тенденцией к мотивированности знака. Соотношение между этими двумя силами меняется как от одного языка к другому, так и в пределах одной и той же языковой системы. В русском языке, например, очень большую роль играет деривация. По соссюровской терминологии производное слово является «относительно мотивированным» знаком, следовательно, в русском языке тенденции к мотивированности проявляются гораздо сильнее, чем, например, во французском или английском. Согласно все той же терминологии эти языки относятся к «лексикологическому» типу, в то время как русский является «грамматическим» языком. В семиологическом плане междометия представляют собой преимущественно мотивированные знаки. Однако фонологическая система (*la phonologie*) — по определению область действия произвольного знака — существенно ограничивает мотивированность, подчиняя звуковую структуру большинства междометий своим собственным принципам организации.

Представляя собой мотивированный знак, междометие в то же время принадлежит языку, который оказывает существенное воздействие на его отличительные признаки. «Означаемое», правда, сохраняет не-концептуальную ценность, но «означающее» часто испытывает аналитическое действие фонологической системы. Омонимия и синонимия также оказывают определенное влияние на знак.

II

Мы постараемся прежде всего установить отличие междометия от других языковых знаков, чтобы показать его отличительные черты.

Несмотря на постоянное давление со стороны фонологической системы, звуковой аспект междометий отличается большим своеобразием. Вот некоторые примеры.

Французский язык, в котором отсутствуют грифтонги, обозначает, однако, крик кошки *miaou*. Несмотря также на отсутствие вокализованного г шум, который производит взлетающая птица, обозначается *fttt*. В русском языке нет звукосочетания *pw*, а между тем по-русски кошка кричит *мяу* (*m'aw*), собака издает *гав-гав* (*haw-haw*), крик ребенка передается как *ya-ya* (*wā-wā*).

Чтобы остановить лошадь, русский, а также финн кричат «*тпру*», что есть не что иное, как долгий билабиальный *p*. В русском *ф* никогда не встречается перед гласной, однако это правило не распространяется на междометия: *фу* (отталкивающий запах), *фырк* или *фркк* (фыркание лошади) и т. д.¹ Уже в процессе эволюции общеславянского языка начальное *э* получило протезу, но восклицания обходятся без нее; например, в русском *эл*, *эел*, *эл*, *эй*! Это восклицательное *э* перешло, к тому же, в дейсисы *этот*, *так*, а также в восклицательные местоимения *экой*, *эдакой*, не говоря о восклицательных дейксисах народного языка *эвот*, *эвон* и др. В отличие от союза междометие всегда находится под ударением. С этим связаны некоторые отклонения в фонологической системе русского языка. Так, например, в междометии *штэп* (на письме *чтоб*), когда оно употребляется в качестве восклицания в ругательстве *чтоб тебя!*..., ударение падает на редуцированный гласный, который, как правило, должен быть безударным. В восклицании *но!* (запретительно-увещательное), функционирующего в качестве союза «но» сохраняется звук *о*, хотя оно и является безударным, что противоречит фонологическим законам русского языка. Последний пример: в местоимении *он*, даже в безударном положении во фразе, *о* не редуцируется, исключение составляет употребление в инверсии. Дело в том, что в первом случае его можно спутать с восклицательной частицей *ам!*, во втором же случае такое невозможно, поскольку восклицание никогда не образует энклизы.

Количество подобных примеров легко увеличить. Однако, нам кажется, что и приведенных достаточно, чтобы показать, что звуковая структура междометий не подчиняется полностью закономерностям фонологической системы.

Общим для всех междометий является отсутствие у них концептуальной значимости. Не случайно их считают словами, образующими особую «часть речи», хотя и соотносительную с другими частями речи². Условием существования понятия является его вхождение в систему понятий, ограничение и соотнесение с себе подобными. Понятие представляет собой орудие классификации. В наших языках концептуальная природа слова отчетливо выражена благодаря формальным значимостям, заключенным в слове, которые образуют семантическую значимость и относят слово к определенной категории. Ничего подобного мы не обнаруживаем в междометиях. Ни *мяу*, ни *а-а-а!* не имеют никаких формальных показателей. Более того, мы сможем убедиться в том, что употребление этих знаков во многом отличается от функционирования частей речи. Междометия принадлежат особому семиологическому плану.

Язык в качестве семиологического механизма не является «одноплановым». Языковые знаки не выполняют одну и ту же семиологическую функцию. Если обычные слова, части речи, обозначают «вещи», то числительные их *перечисляют*, а местоимения *указывают* на них. Это не одно и то же. Что касается междометий, они *сигнализируют* о присутствии кого-либо. Междометия принадлежат не-концептуальному плану, который тем самым противопоставляется всем другим семиологическим планам. Отметим попутно, не углубляясь в суть проблемы, что восклицания и местоимения связаны между собой довольно любопытным образом, что дает основание говорить об их общем происхождении. То, что называют «фонологической системой», управляет звуковой структурой концептуальных семиологических планов и, в первую очередь, звуковой структурой слов, организованных в части речи. Но ее воздействие практически не распространяется на не-концептуальный план, к которому принадлежат междометия.

До настоящего времени мы рассматривали междометия все вместе. Перейдем теперь к их классификации.

Самое первое заключение, которое позволяют нам сделать факты, состоит в том, что восклицания употребляются совсем иначе, чем все остальные междометия. Это послужило основанием для разделения междометий на два больших класса: 1) *восклицания* и 2) *не-восклицания*. При ближайшем рассмотрении последнего класса выясняется, что общим признаком входящих в него междометий является их звукоподражательный характер. Своим звучанием они имитируют либо крики животных, либо воспроизводят различные природные и естественные шумы. Таким образом, мы приходим к следующему делению: 1) *ономатопеи* и 2) *не-ономатопеи* или *восклицания*.

Восклицания можно рассматривать как преднамеренные человеческие «выкрики». Аналогия же с криками животных тут не подходит. Вообще говоря, крик каждого животного обозначается по-своему. Исключения довольно редки и касаются наиболее привычных нам животных. Так, кошка кричит *мяу*, а также издает *мур-мур* (*ron-ron*). По русски говорят, что большая собака лает *гав-гав*, а маленькая тявкает *тяф-тяф*. Впрочем, в данном случае можно иметь в виду две разные породы собак. И наоборот, такое то животное издает определенный крик. Нельзя ли рассматривать — в переносном смысле, разумеется — шумы как «крики» вещей? Но и здесь соотнесенность выдерживается далеко не всегда. Большинство шумов являются «анонимными»: *трах!* (*ulan!*), *хлоп!* (*pan!*), *бах!* (*boum!*). Некоторые имеют определенные источники происхождения: *тик-так*, *пиф-паф*, *фррр*, *уа-уа*, либо имитируют кашель, смех, и т. д. Из этого следует, что восклицания характеризуются двояко: они являются *речевым* произведением, но произведение это исполняется *намеренно*. Имитация капля в каком-нибудь повествовании всего лишь передача своего рода шума, а покашливание как предупредительный сигнал функционирует в данном случае в качестве восклицания. Лай собаки с целью привлечь внимание хозяина, как бы он ни был намеренным, остается криком. Можно пойти еще дальше. Крики ребенка, настойчиво зовущего мать, также не являются восклицаниями. Это означает, что одни намеренно произносимые звуки человеческого голоса являются «зарегистрированными» фактами языка, другие же отвергаются им в силу их принадлежности к сфере естественных речевых реакций.

Мотивированность звукоподражательных междометий вполне очевидна. Эти междометия обозначают воспринимаемые на слух явления действительности. Носитель языка без труда устанавливает, что звуки *ку-ку* издает такая-то птица, а звуки *ку-ка-ре-ку* — другая. Но мотивированный характер восклицаний проявляется менее отчетливо. Ведь в первом случае имеет место слуховое восприятие, акт аудирования, а восклицание является речевым произведением, актом фонации. На условия протекания фонации оказывают воздействие прежде всего эмоции, которые и мотивируют звуковой облик восклицаний. Эта мотивированность находит выражение в явлениях, которые сопровождают проявление эмоций голосом: изменение тона, мимике, иногда в жестах. Психофизиологическая природа образа и эмоции различна, хотя они часто и связаны между собой.

В первобытном обществе наряду со звуковым языком широко использовался язык жестов. Последний оказал большое влияние на первый. Можно утверждать, что он послужил основой его развития. Звуковой язык, являясь очень эмоциональным, характеризуется большой выразительностью. Чем больше размышляешь над природой междометия, тем больше склоняешься к мысли, о том, что оно непосредственно восходит, хотя и через различные промежуточные явления, к первоначальному синкретическому знаку, в котором сливались воедино голос, мимика и жесты. Кроме того создается впечатление, что русское междометие дальше удалено от своего прародителя, чем, например, французское.

Некоторые лингвисты считают междометие словом-фразой. Мы показали, что в отличие от слова междометие лишено концептуальной значимости. Что касается фразы, мы определяем ее как *единицу обмена в диалоге*. Впрочем, только восклицания способны выполнять эту функцию. Но они представляют собой фразы особого рода — фразы-сигналы, лишённые концептуальной материи.

IV

Перейдем к рассмотрению функционирования ономапопей.

Любой знак может быть *процитирован*, т. е. включен в бессознательную структуру, которую называют «прямой речью». Это весьма ограниченное употребление, на которое только и могут рассчитывать звукоподражания. Примеры: «Кошка издает: *мур-мур*», «Вдруг я услышал: *бах!*». По поводу второй фразы можно заметить, что она не является прямой речью, и это действительно так. В связи с этим нам придется совершить краткий экскурс в область бессознательной связи, которая находится за пределами синтаксиса и олицетворяет собой очень архаичное состояние языка, в котором еще не существовало различия между сочинением и подчинением.

Существует три типа бессознательных структур, но здесь речь пойдет только об одной из них. К фразам, которые мы приводили и которые дают наглядное представление об этой структуре, добавим еще две, которые мы переведем дословно с русского: «Я слышу — собака лает» и «Я вижу — собака бежит». Характерным для этого типа бессознательной структуры является то, что она заключает констатацию двух фактов. Графически это можно было бы представить двумя концентрическими кругами. Внутренней констатацией является «собака бежит», внешней, заключающей первую — «я (ее) вижу». По этой же модели построены три другие фразы.

Следует подчеркнуть, что ономапопей могут встречаться только в таких простых структурах. То, что ономапопей не может появиться в придаточном предложении и, например, из прямой речи не может перейти в косвенную, также является весьма показательным. Косвенная речь имеет целью воспроизвести означаемое — что относится к области синонимии. А прямая речь точно воспроизводит означаемое — что роднит ее с междометием, которое с трудом поддается разделению на означаемое и означаемое. Среди французских и русских восклицаний только *oui* и *non*, *да* и *нет*, могут встречаться в придаточных предложениях: Он сказал, что *да* (нет). «*Il dit que oui (non)*».

Таким образом, мы считаем, что ономапопей не образуют фразы. Встречаются, однако, случаи, которые, казалось бы, противоречат нашему утверждению.

Вот маленькая сцена, воспроизведенная однажды Ш. Балли во время нашей беседы. — Из рук служанки выскальзывает тарелка и с грохотом разбивается. Я восклицаю: *бах!* — По нашему мнению, это — эллиптическая структура. Полная фраза звучала бы примерно так «Вы только что сделали: *бах!*». Действие происходит в момент речи. Но почему же все-таки было произнесено это междометие? Если бы это была просто реакция на внешний раздражитель, мы имели бы дело с ситуацией, которую можно охарактеризовать как нулевой диалог (*zéro de dialogue*) и которая представляет лишь второстепенный интерес для лингвиста. Думается, однако, что дело обстоит иначе. Это *бах!* адресовано собеседнику и сигнализирует о психическом состоянии, которое можно интерпретировать как «Я вам сочувствую и готов разделить ответственность за ваш проступок. Не надо слишком расстраиваться». То, что мы имеем дело с социальным планом, имеющим непосредственный выход в условный, а не спонтанный план, доказываемся этой маленькой сценой, заимствованной нами из одного русского романа. Действие происходит в одном из пансионатов в Берлине: «К тому же не рассчитав свои силы, он так громко хлопнул дверью, что фрау Штобой, проходившая в этот момент по коридору, холодно произнесла: *упс!* (*hups!*). Ситуация заставила хозяйку пансиона произнести это *упс!*, чтобы сгладить неловкость квартиранта, но против своей воли она сделала это «холодным» тоном.

Кажется, новые ономатопеи не встречают какой-либо оппозиции со стороны языка. Чтобы произвести впечатление на своего собеседника, когда тот был удивлен каким-нибудь звуком или необычным криком, говорящий располагает полной свободой для его имитаций, не очень заботясь о правилах фонологической системы.

V

Этот параграф посвящен анализу одной весьма необычной формы русского языка, которая, по нашему мнению, еще не получила удовлетворительного объяснения. Поскольку приводимые ниже примеры не имеют эквивалентов во французском языке, они будут переводиться дословно.

Наряду с таким междометием, как *buz!*, близким к *vlan!* *hop!* или *rap!* в русском языке есть *bux!*, которое функционирует в качестве предиката, естественно, в экспрессивном языке. Примеры: Он разбежался и *bux* в воду! «Il prit de l'élan et *hop* dans l'eau!». Он схватил камень и *bux* его в реку! «Il saisit une pierre et la *vlan* dans la rivière!», или еще пословица: *He посмотрев в календарь, да бух в колокол!* «Sans avoir consulté le calendrier il fit le carillon», дословно: «il frappa dans la cloche, но это «frappa» сопровождается все тем же *buz!*

Эту форму называют «глагольным междометием». Нам кажется, что ей лучше подходит название *междометный глагол*.

В приведенных примерах предикат употребляется в значении то переходного, то непереходного глагола, в перфекте, соответствующем претериту. Характерным для него является прежде всего то, что он выражает *ультрабыстрое действие*, особую и экспрессивную разновидность моментального перфектного вида. Можно утверждать, что эта разновидность возникла потому, что экспрессивность моментального перфекта постепенно утрачивается. К тому же на него оказывает воздействие употребление видовой разновидности, которую мы когда-то называли «иволятив»; так, например, наряду с *толкнуть* «толкнуть одним усилием», существует *толкануть*, который в большей мере передает прерывистый характер процесса.

Ультрабыстрое действие, которое обязательно происходит внезапно и воспринимается как неожиданное, живо интересует русский язык, который стремится выразить его различными способами. Неожданное действие получает морфологическое выражение в междометном предикате.

Оно свойственно только глаголам, образованным от ономатопей, имитирующих внезапные звуки, без указания на их длительность. Например, *buz!* > *бухать* > *бухнуть*, откуда в результате новой редукции междометная форма: *buz!* Это новое *buz!* приобретает глагольные значения: вида, времени, в ряде случаев переходности, залога. Оно уже не является больше междометием. Это — слово, знак концептуальной природы, хотя и принадлежащий экспрессивному языку.

Вот почему *buz!*, междометие, и предикативное *buz!* не вызывают один и тот же образ. Они не ведут себя одинаково по отношению к синкретическому образу, который послужил отправным моментом в цепи преобразований. Междометие вызывает прежде всего акустический образ, остальное пребывает в латентном состоянии. Междометные предикаты близки по своим значениям глаголам *ударять*, *падать*, *бросать* и т. д., т. е. они вызывают *кинетический* образ. Это движение, этот «удар» сопровождается характерным шумом, но это факт сопутствующий, хотя и очень важный. Кинетический образ, лежащий в основе понятия «удара», отличается необычайной продуктивностью. Вспомним все эти *coup de hache*, *coup de main*, *coup d'oeil*, *coup de jarretière*, *coup de glotte*, *coup de tête*, *coup d'horloge*, *coup de tonnerre*, *coup de soleil*, *boire un coup*, *tout à coup* и т. д. и т. п. В русском языке эта продуктивность особенно проявляется в области глагола.

Вот почему некоторые глаголы, не имеющие никаких деривационных связей с междометиями, образовали под действием аналогии междометные формы. Например: *толкать* > *толкнуть* > *толк!*, *хватить* > *хват!*, *двигать* > *двинуть* > *двиг!*, *глядеть* > *глядь* и т. д. Звукоподражательные глаголы, обозначающие крики животных, не имеют междометной

формы. Поэтому следующий случай весьма поучителен. Имитация тьяканья *тляф* (или *тляе*) лежит в основе образования глаголов *тляе-к-ать* / *тляе-к-нуть*, откуда *тляе-к!* Это последнее образование отличается от первоначального не только наличием суффикса *-к-*, указывающего на его происхождение от глагола, но еще и тем, что оно означает уже не «твякать», а «кусать» или «цапать»: *Собака тляе его за ногу!* Еще один любопытный случай. Немецкому выражению «*Ich sprucke drauf!*» в русском языке соответствует *Мне на это наплевать!* и *Я тьфу на это!* Глаголы *плевать* и *плюнуть* не восходят к междометию, хотя и имеют звукоподражательную природу. Они не имеют также и междометной формы. С другой стороны, междометие *тьфу!*, имитирующее действие, не послужило основой для образования глагола. Впрочем, при сравнении двух фраз создается впечатление, что это *тьфу!* ведет себя так, словно оно образовано от глагола *плевать*³, кроме того оно имеет то же управление. Можно сказать, что в данном случае тождество означаемых предпочтено расхождению между означающими. Таким образом, речь здесь может идти о синонимии.

Тенденция к дифференциации двух знаков проявляется также в том, что предикативные образования не употребляются с целью «цитирования», которое остается особой функцией, присущей только ономотопеям. Нашему утверждению не противоречит и следующая фраза Л. Толстого: *Вдруг слышат — грох в колокол у дверей.* Эта бессоюзная структура подразумевает субъект: *Кто-то грох...*

Рассмотренные нами знаки являются словами, особыми видовыми глагольными формами. Эти формы принадлежат как грамматике, так и словарю, что свойственно виду вообще. Как элементы словаря эти знаки группируются вокруг немногочисленных стержневых слов, главным содержанием которых является понятие «удара». Поэтому они легко вступают в синонимические и омонимические отношения, чего нельзя сказать об обычных ономотопеях.

VI

Мы убедились, что ономотопеи, не став словами, не являются в то же время и фразами. Действительно, трудно представить себе ситуацию во время диалога, когда один из собеседников обращается к другому *ку-ка-ре-ку!* Мы достаточно подробно останавливались на *бух!* и *упс!*, чтобы снова к ним возвращаться. В качестве фраз, *лишних*, естественно, *концептуального содержания*, могут функционировать только восклицания, такова их роль в языке.

Фраза есть функция диалога. Диалог возможен только при наличии двух собеседников. Истина слишком банальная. Возможно по этой причине этот факт часто не принимается во внимание лингвистами. Пока еще не существует общей теории диалога. Немногие проводят различие между фразой и предложением и предвидят проблемы, которые вытекают из этого различия. Нам уже приходилось писать на эту тему⁴, но наши прежние идеи нуждаются в пересмотре, однако сейчас не время заниматься этим. Тем не менее для того, чтобы определить место восклицания в системе языка, мы должны сказать несколько слов о диалоге и фразе, ограничившись общими соображениями.

Не следует забывать, что фраза является *звуковой единицей*. Признаки не-звукового порядка явно недостаточны для того, чтобы ее рассматривать как грамматическую или лексическую единицу. Она — *единица обмена в диалоге*. Диалог же — это своего рода поединок, словесная дуэль между двумя его участниками. В конечном счете, здесь мы имеем дело со столкновением двух характеров, и в основе фразы лежит не столько «коммуникация» — как думал К. Сведелиус⁵ — сколько *интенция*, восходящая к первоначальному волевому акту. В грамматическом плане интенция стремится оформиться в «предикат». Но поскольку существует несколько типов фраз, нет единого определения предиката.

В словесном поединке, который представляет собой диалог, участник А является «атакующим», ему-то и принадлежит инициатива. Его партнеру остается только отвечать на *выпады*, объектом которых он является. Сре-

ди этих выпадов на первом месте стоит вопрос, *вопросительная фраза*. Она характеризуется незаконченной, напряженной интонацией, что передает некоторое беспокойство перед неведомым, неизвестным, которое призвано рассеять партнер. На долю участника *B* остается, по сути дела, только фраза-ответ. Но являясь функцией вопроса, который она дополняет и завершает, фраза-ответ принадлежит речи. На вопрос *Qu'est-ce que c'est que la baleine?* (Кто такой кит?), спонтанный ответ будет *Un animal* (*Животное*), произнесенный с интонацией разрядки. А человек из народа ответил бы, скорее всего повторив вопрос, *La baleine, c'est un animal*, по-русски *Кит — зверь такой*. Таким образом, мы приходим к *высказыванию*.

С фонологической точки зрения вопросительная фраза противопоставляется не фразе-ответу, а фразе-высказыванию. Интонация последней объединяет и напряжение вопроса, и разрядку, свойственную ответу. Тем самым преодолевается диалектическим путем то, что разделяет и противопоставляет двух участников диалога. С тех пор и тот, и другой могут пользоваться одной и той же фразой, а диалог принимает форму обмена высказываниями.

Обе фразы принадлежат языку. В вопросах могут использоваться средства не-звукового порядка: инверсия, частицы, игноративно-вопросительное местоимение ⁴ и т. д. Но эти средства могут и не использоваться. То, что всегда сохраняется, так это интонация. Все эти средства отсутствуют в высказывании. Это свидетельствует о том, что оба типа фраз представляют собой звуковые единства, которые различаются только интонацией.

Переходя к *волеизъявительным*, а также к *восклицательным* фразам, мы покидаем почву языка. Характерным для этих двух типов звуковых единств является экспрессивный тон. Впрочем, экспрессивный тон — явление естественное, которым можно управлять по своему усмотрению, но он не пользуется вниманием со стороны фонологии.

Волеизъявительные фразы принадлежат «активному» языку. Здесь, собственно говоря, имеется только один участник диалога. Можно ли в самом деле рассматривать в качестве «собеседника» лицо, к которому обращаются с приказанием? Средства не-звукового порядка волеизъявительных фраз являются совершенно недостаточными. В сфере глагола с императивом конкурируют инфинитив, будущее время, даже настоящее. В русском языке к ним добавляется прошедшее законченное. В сфере имени вокатив все больше уступает место простому обращению, явлению звукового порядка, совпадающего со вставкой и относящегося к внутренней фонологии фразы.

Наряду с собственно диалогом следует различать две особые ситуации. Одну из них можно назвать *ложным диалогом*, а другой мы уже дали название *нулевой диалог*.

Мы имеем дело с *ложным диалогом*, когда обращаемся, говоря языком лингвистики, к *timis habens*: животному, младенцу, даже иностранцу, плохо владеющему нашим родным языком. Чтобы приспособиться к языковому уровню партнера, мы иногда прибегаем к искажению своего собственного языка. Мать, которая, подражая бормотанию грудного ребенка, обращается в нему *a-gu!*, не далека от мысли, что она «беседует» с ним. Произнося *ко-ко-ко...*, простые люди готовы вообразить, что таким образом они разговаривают с курами. Обращаясь к животным, часто прибегают к ономотопеям. Однако в подобных случаях мы выходим за рамки человеческого языка и не можем считать эти ономотопеи «фразами». Отметим тем не менее, что крики, с которыми обращаются к животным, по своей природе являются «волеизъявлениями»: побудительные или запрещающие команды, обращения — это сближает позицию говорящего субъекта с позицией автора волеизъявительной фразы. Последний часто находится на периферии диалога, в непосредственной близости от ложного диалога.

Участники диалога могут меняться ролями. Участник *B* может стать инициатором, это происходит в *парном сочетании реплик*, простейший случай которого представлен *hein?* А участник *A* становится «реактивным»

только в нулевом диалоге, когда он реагирует на внешнее возбуждение каким-нибудь восклицанием, не адресуя его никому.

Восклицания следует рассматривать как не-концептуальные субституты обычных фраз.

Вопросительная фраза представлена *hein?* или в русском языке *а?*, *неужели?*, *разве?* и *что...*? Напротив, *да* и *нет* представляют не-вопросительную фразу. Но больше всего не-концептуальных репрезентативов имеют волеизъявительные фразы. Все восклицания партнера *A* — за исключением, естественно, относящихся к нулевому диалогу — представляют собой побуждения: *he!*, *pst!*, *allo!*, *halte!*, по-русски *эй!*, *ни-ни!*, *на!*, *ну!* и т. д. Два последних восклицания языковое чутье приравнивает к императиву: они получают во множественном числе его показатели и могут сопровождаться частицей *-ка*, которая употребляется только с императивом (ср. нем. *mal*): *name!*, *nut!*, *name-ka!*, *nu-ka!* и т. д. Остальные восклицания следует рассматривать как субституты неспецифических восклицательных фраз.

Вообще восклицания подразделяются на *реактивные* и *инситуативные*, побудительные. Первые используются собеседником *B* в случае, когда имеет место реакция собеседника *A* на внешние раздражители (нулевой диалог). Вторые являются достоянием собеседника *A* за исключением парного сочетания реплик, когда партнер *B* также переходит в наступление. Но самое важное состоит в том, что собеседник *B* имеет в своем распоряжении почти все восклицания своего партнера, особенно вводящие концептуальную восклицательную фразу.

Чаще всего восклицания употребляются не в качестве автономных единиц обмена, а для введения концептуальной фразы: *Ах, какой молодец!* *Ах, какой негодяй!* Соотношение между восклицанием и фразой является двусторонним. С одной стороны, восклицание служит средством экспликации фразы в концептуальном языке. Обе фразы могут быть произнесены абсолютно идентичным тоном, в таком случае только слова *молодец* и *негодяй* указывают на то, что речь идет о двух диаметрально противоположных суждениях. С другой стороны, *ах!* служит сигналом, свидетельствующим об отношении говорящего субъекта к тому, о чем он только что узнал. В данном случае восклицание выражает чувство удивления и ничего более. В случае автономного употребления по тону, каким произносится восклицание, можно судить, приятно это удивление или нет. В наших примерах это не существенно, поскольку остальная часть фразы говорит об этом достаточно ясно.

Предупредительные сигналы такого рода широко используются в экспрессивном языке. К ним, по нашему мнению, восходят русские сочинительные союзы *но*, *а*, *да* и *и*. Эти значки продолжают употребляться поразному. Если они не являются автономными восклицаниями, то используются в качестве сигналов, вводящих реплики. В других случаях они функционируют как «внешние союзы», связывающие в монологической фразе с предшествующей фразой, либо являются «внутренними», соединяя последующее предложение с предыдущим в рамках одной и той же фразы. В последнем случае мы имеем дело с собственно союзами.

Интересно отметить, что в восклицательной фразе русского языка часто прибегают к использованию местоимений; например, *Все-то его почитают!*, *Нигде-то он не может ужиться!*, *Такой дурак!*, *Где-то он теперь?*, *То-ли еще будет?* и т. д.

VII

Рамки статьи не позволяют нам предпринять рассмотрение звуковой структуры междометий. Нам остается только привести таблицу основных восклицаний, употребляемых собеседником *B*. Достаточно беглого взгляда на эту таблицу, чтобы заметить, что они образуют систему. Основываясь на идеях покойного Н. Трубедкого, мы постарались выделить лежащие в основе этой системы дифференциальные оппозиции.

1.	ГМ?	ГМ-ГМ	ГМ!	ГМ...	ГМ.	
2.	и (...)	э	а	о	у	
3.		эге	ага	ого		
4.	ин (...)		ан (...)			
5.	ни-ни	не	на	но (...)	ну	
6.		те-те-те...	да (...)	тотэ		тсс
7.		Нет.	Да.			
8.	(й) их (...)	эх (...)	ах (...)	ох (...)	ух (...)	
9.		эй (...)	ай (...)	ой (...)		
10.					фу (...)	

Н. В. Знаком (...) сопровождаются восклицания, которые, как правило, служат только для введения фразы. Восклицания, функционирующие также в качестве сочинительных союзов, выделены курсивом.

1—7. Стандартные фразы-ответы собеседника В. 8—10. Человеческие «крики», транспонированные для введения реплик собеседника В.

1. Восклицания, произносимые закрытым ртом, отмечены навалезованным $g^?$. Определение: *восклицания с нулевой фонемой*, поскольку их дифференцирует только *тон*. Их значимости (слева направо): *вопрос* (ср. «hein?»⁸, *подтверждение* (или согласие), *признательность* (удовлетворение по поводу чего-либо), *колебание* и *отказ* (отрицание). Оппозиция по тону: $g^M?$: $g^M!$ (поднимающийся : опускающийся) — эквиолентная (следовательно качественная); $g^M...$: ($g^M?$ $g^M!$ g^M-g^M) (одинаковый : модифицированный) — эквиолентная; $g^M?$: g^M-g^M (напряжение : напряжение+разрядка) — привативная; $g^M.$: ($g^M?g^M!$ g^M-g^M и $g^M...$) (отсутствие длительности : длительность) — привативная.

2. *Вокалические восклицания*. Значимости: *уверенность*: 1° *и!* успокоительное отношение, 2° *э!* успокоительное, граничащее с пренебрежением; *беспокойство*: 1° *о!* негодование (нескрываемая угроза), 2° *у!* страх (ощущаемая угроза); *нейтральное* отношение: *а!* понимание и *а?* («hein») непонимание (неудавшийся акт аудирования).— Аффективная фонология: *э!* : *и!* (пренебрежение : отсутствие пренебрежения) — привативная оппозиция; *о!* : *у!* активная позиция : пассивная позиция — эквиолентная оппозиция; (*и!* и *э!*) : (*о!* и *у!*) (уверенность : беспокойство) — эквиолентная оппозиция; *а!*/*а?* (нейтральное) : все другие (специфические) — привативная оппозиция.

3. *Удвоенные вокалические восклицания*, вокализованные варианты g^M-g^M .

4—5. *Запретительно-уещивательные* восклицания. *Н* вызывает ощущение препятствия то возникающего (*ан! ни-ни! не! но!*), то исчезающего (*ин! на! ну!*).

6. Восклицания (с апиально-дентальной артикуляцией), *закрывающие диалог*: *те-те-те...* (пренебрежительно) обесценивают речь собеседника; восклицанием *тотэ* (угрожающе) говорящий субъект, в парном сочетании реплик⁹, обнаруживает превосходство над позицией, занятой по отношению к нему собеседником, чтобы сохранить за собой последнее слово; *тсс!* (нейтральное) прерывает диалог (приостановление акта фonaции партнера); *да(...)* (амбивалентное) сигнализирует о нетерпении, испытываемом либо в ожидании речи собеседника, либо в связи с паузой.— Оппозиция: *тсс!* : все другие (нейтральное : специальные) — привативная оппозиция; *да(...)* : (*те-те-те...* и *тотэ*) (амбивалентность : дифференциация) — привативная оппозиция; *те-те-те...* : *тотэ* (пренебрежение : угроза) — эквиолентная оппозиция.

7. *Восклицания на ступени нуля*, лишённые какого-либо экспрессивного тона. Предельный случай восклицания. *Да* : *Нет* (подтверждение : отрицание) — эквиолентная оппозиция.

Н. В. Сочинительные союзы сохраняют, хотя и в ослабленной форме, значимость соответствующих восклицаний : *но* — полное противопостав-

ление; *a* — простое несоответствие; *да* (амбивалентное) — частичное сокращение (в парном сочетании реплик) или простое добавление; *и* — отсутствие противопоставления (непрерывность, даже последовательность).

Подобно тому как интонация образует фразу, *тон* создает восклицание. Вот почему экспрессивная значимость тембра гласных может быть в любой момент радикально изменена тоном. Это приводит к нейтрализации ряда оппозиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Не говоря об огромном количестве экспрессивных слов, относящихся к различным частям речи, в которых в качестве экспрессивного средства используется *ф*, поскольку он воспринимается как звук, имеющий «иностранный происхождения».

2. См. прекрасную работу Л. Брэн-Лалуара «Междометие, язык и речь» (L. Brun-Laloire. Interjection, langage et parole. — *Revue de philologie française*, t. XLII, 1930).

3. Отметим, что *тьфу* имеет не перфектное значение, а значение настоящего времени.

4. См. работы автора «О фонологии фразы» (*Sur la phonologie de la phrase*. — TCLP IV. Prague 1931) и «Фраза и предложение» (*Phrase et proposition* — *Mélanges J. van Ginneken*, Paris, 1937).

5. *L'analyse du langage appliquée à la langue française*. Upsala 1897.

6. *Игноративное* местоимение (местоимение серии *К*) употребляется в русском языке в различных функциях: оно может быть *вопросительным*, *восклицательным*, *неопределенным*, *отрицательным*, *относительным* или *анафорическим*. В этом проявляется различное отношение говорящего субъекта к «неизвестному», на которое указывает это местоимение.

7. По предложению Н. С. Трубецкого, содержащегося в его письме автору в 1938 году.

8. Мы рассматриваем «*hein?*», а также русское «*а?*» как два различных способа вокализации *е^М*?

9. В парном сочетании реплик имеет место совмещение функции собеседника *А* с функцией собеседника *В*.